



УДК 130.2

ПРАВСТВЕННАЯ АСИММЕТРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

С.В. САЛОМАТИН*Воронежский
государственный
университет**e-mail: sergolest@mail.ru*

В статье исследуется проблема нравственной асимметрии преступления и наказания. Воззрения правоведов, этиков, писателей, занимавшихся проблемой наказания, концентрируются вокруг главного: несправедливости наказания.

Ключевые слова: преступление, наказание, мораль, право, оправдание, справедливость, гуманизация.

Правовая мысль со времен Платона, сказавшего в «Законах», что «никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было поступок»¹, не сомневалась в необходимости и неизбежности наказания за совершенное и доказанное преступление. При этом, проблемное поле, связанное с феноменом наказания, выходит за пределы правовой сферы. Традиционно эта проблема привлекает внимание и философии, которая занимается вопросами, связанными не только с *неизбежностью преступления*, но и с *оправданностью наказания*.

Несмотря на обильную правовую литературу по наказанию, современные правоведы отмечают, что «...проблема содержания целей наказания продолжает оставаться одним из дискуссионных вопросов как в истории, так и в современной теории права»². Правоведы также отмечают ряд противоречий, которые свидетельствуют о *нравственной асимметрии* преступления и наказания: «На сегодняшний день уголовное наказание представляет собой компромисс между моральными представлениями о принуждении как зле и между необходимостью принуждения как основного инструмента власти. Проблематичность наказания заключается в постоянной необходимости согласовывать эти две одинаково важные позиции. Проблемы могут быть окончательно решены либо в случае переосмысления моральных ценностей, либо в случае отказа власти от правового принуждения. Пока этого не произошло, уголовное наказание будет оставаться актуальной и проблематичной темой для этических исследований»³.

Нравственная асимметрия преступления и наказания выявляется наиболее отчетливо на фоне гуманного понимания наказания. Здесь есть определенная закономерность: чем гуманнее понимания наказания, тем несправедливее являются наказания, отступающие от этой нормы.

Парадигму гуманности наказания задал итальянский гуманист XVIII века Ч. Беккариа: «...чтобы ни одно наказание не было проявлением насилия одного или многих над отдельным гражданином, оно должно быть по своей сути гласным, незамедлительным, неотвратимым, минимальным из всех возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению и предусмотренным в законах»⁴. Таково идеальное, даже идеалистическое понимание наказания, которое, возможно, в полной мере и не осуществимо на практике. Но как идеал, это гуманная норма должна существовать, задавая *меру должного* для существующей практики.

Важнейшим положением в определении Беккариа является указание на то, *наказание не должно быть проявлением насилия*. Это, пожалуй, самое слабое и уязвимое место в правоприменительной практике. На основании анализа воззрений Ф.М. Достоевского можно сказать, что *наказующий*, как правило, сам становится *насильником*. Это говорит о том, что исполнение наказания, как и само наказание, не является нейтраль-

¹ Платон. Законы / Платон // Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. – С. 340.

² Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. – С. 55.

³ Блюхер А.Ф. Этические основания и аргументы в теориях правового наказания: автореферат дис. канд. филол. наук. М., 2009. С. 14.

⁴ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2000. – С. 188.

ным моральным фактором; оно самым глубочайшим образом затрагивает внутренний нравственный мир человека, оказывая на него при этом крайне негативное влияние. Наказание развращает, озлобляет, раскрывая в человеке не только жестокость, но и низость и подлость. Здесь проявляются наиболее садистские и человеконенавистнические наклонности.

Изучив нравственные воззрения Ф.М. Достоевского относительно преступления и наказания, исследователь Н.С. Прокудина делает такой вывод: «Природная наблюдательность автора [Достоевского] помогает ему глубоко проникнуть не только в психологию формирования преступного мышления, но и в психологию формирования палаческих наклонностей, а затем сделать вывод о том, что именно безраздельное господство «над телом, кровью и духом» себе подобных развивает в человеке садистские наклонности, которые вначале переходят в привычку и вскоре становятся потребностью. Замечено, что солдаты, дослужившиеся до офицерского чина и получившие возможность расправы, отличаются особенно жестокостью»⁵.

Н.С. Прокудина также обстоятельно проанализировала тему преступления и наказания в очерках второй половины XIX века (М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов, П.Ф. Якубович, Н.М. Ядринцев, В.Г. Короленко, П. Хотымский, В.М. Дорошевич и др.). Картины зверств и мучений над арестантами, о которых говорят русские писатели и публицисты, поражает сознание. В итоге исследователь говорит: «Авторы в своих произведениях прослеживают, как меняется характер преступления и его мотивы и как практически остается неизменным бессмысленное и жестокое наказание, граничащее со зверством, как развращает это наказание не только преступника, но и тех, кто осуществляет его»⁶.

Такова общая ситуация, характерная, пожалуй, для всех пенитенциарных заведений, в которых всегда имеет место крайне отрицательное влияние заключенных на надзирателей. Влиянием среды можно отчасти объяснить факт жестокости самих исполнителей наказания: находясь долгое время с преступниками, работники пенитенциарных заведений усваивают нормы и ценности, господствующие в этой среде. Привнести же гуманные ценности из внешнего мира они не способны, поскольку сами усваивают ценности преступного мира.

Хотелось бы в этой связи указать на то, что экспериментальные данные современных западных психотерапевтов, работающих с заключенными, подтверждают идею о том, что ценностные границы всех пребывающих в тюремном заведении (и осужденных, и работников) стираются. «Отношение к ценностям в тюрьме формируется чаще всего в зависимости от представителей заключенных. Постоянная близость надзирателей и заключенных несет с собой тесный обмен представлениями о ценностях, причем ценности надзирателей, если они вообще имелись, в этом окружении подвергаются деформации, происходит их адаптация в нежелательном направлении. Таким образом, служащие могут легче жить и работать в тюрьме, поскольку им не приходится постоянно ощущать себя в противоречии со своими взглядами. Одновременно с этим они все больше утрачивают контакты с другими членами нормального общества и попадают во все большую зависимость от связей с заключенными»⁷.

Иными словами, такова роковая закономерность: тюремные нравы развращают всех, кто там находится. И это, к сожалению, универсально. Это значительным образом проблематизирует вопрос об адекватном и справедливом наказании, поскольку само пребывание в пенитенциарном заведении нравственно деформирует всех там находящихся. Таким образом, нравственная асимметрия преступления и наказания проявляется уже на этом уровне, на уровне несоизмеримости наказания преступлению, которое уже само становится преступлением.

⁵ Прокурова Н.С. Не сотвори зла. К проблеме преступления и наказания в русской художественной литературе и публицистике. М., 2001. – С. 36.

⁶ Прокурова Н.С. Там же, с. 106.

⁷ Райнфрид Х.В. Убийцы, грабители, воры. Психотерапия в системе исполнения наказания. М., 2003. С. 34-35.



Это парадокс, замечаемый, прежде всего и более всего, с нравственной точки зрения. Здесь уместно привести такие слова В.С. Соловьева, подтверждающие эту мысль: «Человек, который на своем нравственном недуге, на своей злобе и безумии основывает свое право действовать и переделывать мир по-своему, – такой человек, каковы бы ни были его внешняя судьба и дела, – по самому существу своему есть убийца; он неизбежно будет насиловать и губить других, и сам неизбежно погибнет от насилия»⁸.

Тем самым, здесь происходит нарушение принципа Беккариа, согласно которому «суровость наказания должна зависеть от тяжести преступления». Оказывается, его невозможно выполнить в силу нравственной порочности тех, кто наказывает. «Злое» начало не позволяет не только назначить адекватную меру наказания, но и главное ее осуществить. Наказание всегда превышает меру свершенного, что приводит к еще большему ожесточению преступника и самого наказывающего делает преступником, поскольку он, проявляя жестокость по отношению к осужденному, совершает и нравственное, и, по сути, уголовное преступление.

Нужно отметить, что Беккариа одним из первых обратил внимание на несоответствие между преступлением и наказанием, возведя в аксиому, открытую им закономерность. Но пишет: «Если наслаждение и страдание – движущая сила наделенных чувствами живых существ, если в качестве стимулов, побуждающих людей к самым возвышенным поступкам, невидимый законодатель использовал награду и наказание, то очевидно, что установление неверного соотношения между ними порождает малозаметное, но широко распространенное противоречие, вследствие которого преступления порождаются самими наказаниями»⁹.

Относительно превышения меры наказания Беккариа строг и категоричен; здесь он называет вещи своими именами: «Любое наказание, не продиктованное крайней необходимостью, является, по словам великого Монтескье, актом насилия. Данное утверждение может быть выражено в более общей форме следующим образом: всякое проявление власти человека над человеком, которое не вызвано крайней необходимостью, – тирания. Таким образом, право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное благо от узурпации его частными лицами»¹⁰.

Беккариа говорит и о такой актуальной проблеме, как ошибки при установлении наказаний. Они происходят, по мнению мыслителя, потому что за истинный критерий преступления принимается намерение, тогда как в действительности, таковым является вред, причиняемый обществу. Намерение является слишком шаткой и неосновательной категорией, оно слишком смутно и релятивно, то есть зависит от многих сиюминутных впечатлений и обстоятельств. К тому же в реальности, как отмечает он, «Иногда люди из лучших побуждений наносят обществу непоправимый ущерб. Иногда же, руководствуясь самыми низменными намерениями, приносят ему большую пользу»¹¹.

В конечном итоге, цель наказаний формулируется итальянским гуманистом так: «...целью наказания является не истязание и доставление мучений человеку и не стремление признать не совершившимся преступление, которое уже совершено. ... Цель наказания, следовательно, заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику значительных физических страданий»¹².

Кроме неоправданной жестокости преступлений, есть еще одна важная проблема, раскрывающая нравственную противоречивость института наказания, которая также была под пристальным вниманием Достоевского. По его собственным словам, его всегда

⁸ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. М., 1991. – С. 251.

⁹ Беккариа Ч. Указ. соч., с. 53.

¹⁰ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 38.

¹¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 54.

¹² Беккариа Ч. Там же, с. 70.

занимала одна и та же мысль, которую он так и не мог для себя разрешить – это мысль о неискоренимом неравенстве наказаний за одни и те же преступления.

Одно из наиболее серьезных препятствий на пути вынесения адекватного приговора и исполнения справедливого наказания заключается в том, что не всегда до конца ясны истинные намерения и мотивы человека, совершившего преступления. По свидетельству психотерапевтов часто: «... суд не может выявить истинных мотивов преступлений и в результате говорит о цинизме и бесчувственности подсудимого»¹³.

Неумение понять метафизические истоки преступления, как правило, приводит к тому, что выносятся вердикт о психопатологии, либо о неменяемости преступника. Но у преступления есть своя «ночная душа», которая не поддается никакому рациональному истолкованию. В.А. Бачинин, которому принадлежит авторство данного понятия, говорит о его совершенной иррациональности: «То, о чем переживает и о чем мыслит ночная душа, зачастую неизъяснимо и почти не передаваемо на рассудочном языке рациональных понятий... Ни психологи, ни социологи, ни «лекари-социалисты» не знают путей, двигаюсь по которым можно было бы приподнять завесу, за которой таится ночная душа. ...изъяснения ночной души, в которых она «заголяется и обнажается», вполне могут быть охарактеризованы как цинизм»¹⁴.

Это очень глубокая мысль, в которой раскрывается негуманный характер судебной системы, которая уподобляется слепой природной жестокости, вместо того, что бы способствовать тому, чего лишена природа – нравственному исправлению.

Современные авторы также достаточно много уделяют времени анализу *нравственного оправдания наказания*. Нравственная противоречивость наказания достаточно глубоко раскрыта в монографии И.И. Карпец. Мы можем отметить ее высокие теоретические достоинства. Во-первых, автор стремится *нравственно оправдать наказание*, используя при этом гуманистическую аргументацию, схожую с той, которую употреблял Ч. Беккариа.

Прежде всего, примечательно такое понимание наказания: «...наказание – средство специфическое, как специфичны, своеобразны и люди, к которым оно применяется: они социально запущены, в значительной степени нравственно испорчены, причем еще до того, как к ним было применено наказание»¹⁵. То есть у обвиняемого есть правовая презумпция невиновности, но нет нравственной презумпции. При этом, ученый говорит о том, что «...нравственного исправления при применении наказания может и не наступить. ...Наказание может способствовать переосмыслению человеком нравственных принципов, но может и не способствовать этому»¹⁶.

Таково глубочайшее нравственное противоречие наказания, его нравственная антиномичность: наказание способствует нравственному исправлению, и в то же время, может и не способствовать. Это ставит вопрос о целесообразности наказания вообще, и в частности, о видоизменении наказания, поскольку его «моральная эффективность» далеко не однозначна. То есть претензия на нравственную переделку человека посредством наказания оказывается несостоятельным, оно может иметь лишь сдерживающий и устрашающий эффект. Возникает вопрос: насколько сдерживание и устрашение имеют в свою очередь нравственное оправдание? Не кончается ли здесь нравственный эффект, который усматривался вначале, когда наказание мыслилось в этико-педагогическом ключе как исправления и улучшение человека?

Итак, на основании проанализированного материала можно выделить наиболее общие ситуации, в которых проявляется нравственная асимметрия преступления и наказания. Проявляется она в следующих противоречиях:

- между стремлением к справедливости и абсолютной несправедливостью наказания;

¹³ Райнфрид Х.В. Убийцы, грабители, воры. : Психотерапия в системе исполнения наказания. М., 2003. С. 308.

¹⁴Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления : Худож. феноменология русского прото-модерна. СПб., 2001. – С. 127-128.

¹⁵ Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. – С. 187.

¹⁶ Там же, с. 194.



- между невозможностью прощения и невозможностью непощения преступника;
- между намерением к исправлению преступника и фактической неисправимостью его посредством наказания;
- между стремлением к предотвращению новых преступлений и невозможностью снизить преступность посредством наказания;
- между желанием исправлять общественные нравы и реальным их ужесточением при ужесточении наказаний.

Можно найти и большее количество ситуаций и положений, но главное в том, что все противоречия концентрируются вокруг главного: *несправедливости наказания*. Несправедливость во всех отношениях: к осужденному, к потерпевшему, к обществу в целом. Это не значит, что можно отменять наказания. Необходимо более тщательно с учетом этико-психологических разысканий исследовать случаи преступных деяний с общей установкой на гуманизацию.

Справедливость наказания является искомым, но в полной мере, недостижимым этико-юридическим идеалом, в стремлении к которому вообще возможно правосудие. Недостижимость этого идеала обусловлена нравственными противоречиями, возникающими между преступлением и наказанием (нравственной асимметрией).

Не впадая в детерминистскую теорию о «врожденно зле», необходимо принимать во внимание то, что В. С. Соловьев называл «злостью и безумием», составляющими «основу нашей извращенной природы». Но в этом заложен путь нравственного преодоления этой «злости», поскольку человеческая природа открыта, и способа к свободному самоопределению как к добру, так и к злу.

Список литературы

1. Платон. Законы / Платон // Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. – С. 83-470.
2. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., Норма, 2002. – 269 с.
3. Блюхер А.Ф. Этические основания и аргументы в теориях правового наказания: автореферат дис. канд. филол. наук. М., 2009. – 28 с.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Междунар. отношения, 2000. – 240 с.
5. Прокурова Н.С. Не сотвори зла. К проблеме преступления и наказания в русской художественной литературе и публицистике. М.: Academia, 2001. – 344 с.
6. Райнфрид Х.В. Убийцы, грабители, воры. : Психотерапия в системе исполнения наказания/ Пер. с нем. Е.Г. Дозорцевой. М.: Медицина, 2003. – 318 с.
7. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. – С. 227-260.
8. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления : Худож. феноменология русского протомодерна. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 407 с.
9. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит., 1985. – 256 с.

MORAL ASYMMETRY BETWEEN CRIME AND PUNISHMENT

S.V. SALOMATIN

Voronezh State University

e-mail: sergolest@mail.ru

The paper investigates the problem of moral asymmetry of crime and punishment. Views of lawyers, ethicists, writers dealing with the problem of punishment, are concentrated around the main thing: the injustice of punishment.

Keywords: crime, punishment, morality, law, justification and justice, humanization.